

Светлой памяти
Бориса Львовича Фонкича

ПОСВЯЩЕНИЕ ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ
ПАИСИЯ ЛИГАРИДА:
АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ
И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ*

Светлана Климентьевна Севастьянова

доктор филологических наук
Институт филологии СО РАН

Полина Александровна Рылик

кандидат филологических наук
Институт филологии СО РАН
Афинский национальный университет им. Каподистрии

Аннотация. Книга о соборе, составленная в начале 1667 г. митрополитом Газским Паисием Лигаридом сразу после суда над патриархом Никоном на Большом Московском Соборе, давно привлекает внимание исследователей и как памятник литературы, и как свидетельство очевидца описанных событий. Однако это огромное по объему и чрезвычайно насыщенное деталями и описаниями событий произведение до сих пор изучается без привлечения греческого текста и без полного его перевода на русский язык. Выполненные в середине – второй половине XIX в. русское и английское переложения отличаются от оригинала избирательностью и неточностью передачи. Русский перевод, чрезвычайно краткий и не обработанный литературно, больше напоминает свободный пересказ, а английский, принадлежащий британскому богослову и историку У. Палмеру, пропускает сложные обороты, но включает отступления и пояснения переводчика. В данной статье впервые исследуется и вводится в научный оборот посвящение книги царю Алексею Михайловичу — ее заказчику. Публикация текста, сопровождающая исследование,

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-28-00153 «Сочинение Газского митрополита Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном: перевод и исследование».

осуществляется по списку НИОР РГБ. Ф. 173.IV. № 64, содержащему краткий русский перевод первой части книги, выполненный в середине XIX в.

Ключевые слова: Газский митрополит Паисий Лигарид, *Книга о соборе*, царь Алексей Михайлович, греческий оригинал и русские переводы, обращение к античности как стилистический прием

«Βιβλίον συνοδικὸν περιέχον τὰ κατὰ Νίκωνος πατριάρχου Μοσχολίας ὑπὸ Παϊσίου μητροπολίτου Γάζης, ἀνατεθὲν τῷ αὐτοκράτορι πασῶν τῶν Ῥωσιῶν Ἀλεξίῳ Μιχαήλοβιτζ, ἐν ἔτει 1668¹» («Книга о соборе, содержащая сочинение Паисия, митрополита Газского, против Никона, патриарха Московского, представленная императору всея России Алексею Михайловичу в лето 1668») (далее: *Книга о соборе*) занимает в литературно-публицистическом наследии Газского митрополита Паисия Лигарида (1610–1678) особое место. Находясь в России с 1662 г., этот знаменитый церковный деятель стал одним из главных организаторов и участников суда над патриархом Никоном (1605–1681) с присутствием на нем восточных патриархов (1666). По поручению царя Алексея Михайловича он вел записи о работе Большого Московского собора, которые легли в основу произведения. Чтобы оправдать свою причастность к осуждению патриарха-грекофила, Паисий спешил с написанием *Книги о соборе*, интенсивно работая с января по апрель 1667 г. Через год ее перевод на русский язык был торжественно поднесен царю. Ни греческий оригинал с автографом Лигарида, ни первое русское переложение с него не сохранились.

Книга о соборе имеет внушительный объем и состоит из трех частей: в греческих списках в формате in folio около 160 листов. Это знаковое для России второй половины XVII в. сочинение Газского митрополита содержит детальное изложение суда над патриархом Никоном и повествует о предшествовавших церковному собору событиях,

1. Здесь и далее цитаты на греческом языке приведены по рукописи из Библиотеки Румынской академии № 371 (675) с сохранением орфографии оригинала, заглавные буквы и пунктуация проставлены в соответствии с нормами современного греческого языка. Перевод и анализ греческого и английского текстов принадлежит П.А. Рылик.

в том числе о путешествии, пребывании в Москве и отъезде на родину восточных архиереев, подробно излагает мнение Паисия Лигарида о патриархе Никоне и власти царской и патриаршей. *Книга о соборе* известна сегодня в трех греческих конца XVII – первой трети XVIII в. и пяти русских списках середины – второй половины XIX в.

Среди греческих копий, хранящихся в Бухаресте, Афинах и Москве, последняя, самая ранняя по времени изготовления — ГИМ. Синодальное собр. греч. ркп. № 409 (1674–1675 гг.)². Приобретение этого списка Синодальной библиотекой в 1855 г. обусловлено интересом духовного писателя и путешественника А. Н. Муравьева (1806–1874) к древним рукописным раритетам. Андрей Николаевич уговорил владельца манускрипта Александрийского патриарха Иерофея II Сифниота († 1858) сначала прислать сборник в Россию для изготовления копии, а затем передать ценнейшую для русской истории книгу в Московское хранилище³. Синодальный список стал источником русского и английского⁴ переводов, выполненных в XIX в.

В научной литературе существует устойчивое, но не обоснованное мнение о том, что переводчиком *Книги о соборе* был А.Н. Муравьев⁵. Однако мы с осторожностью относимся к этой точке зрения. Известно, что Муравьев получил хорошее домашнее обучение у преподавателя российской словесности, поэта и переводчика Семена Егоровича Раича (1792–1855), довольно сносно овладел греческим языком и техникой перевода⁶. В зрелые годы он даже дерзал оценивать работу

2. Фонкич Б.А., Поляков Ф.Б. Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки: Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). М.: Синодальная библиотека Московского Патриархата, «Мартис», 1993. С. 134.
3. Фонкич Б.А. Греческие рукописи А.Н. Муравьева // Археографический ежегодник за 1984 год. М.: Наука, 1986. С. 242–243.
4. Catalogue of Italian, Greek, Russian, Polish and Lithuanian manuscripts from the Celebrated Collection formed by Sir Thomas Phillipps. Bibliotheca Phillippica, New series: Fourteenth Part. London, 8th July, 1975. P. 12.
5. Фонкич Б.А. Греческие рукописи А.Н. Муравьева. С. 244; Романова А.А. Паисий Лигарид // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3, ч. 3. С. 8–12.
6. Стрижев А.Н. Андрей Николаевич Муравьев // Москва: Журнал русской культуры. 2001. № 11. С. 222–228.

оптинских старцев, занимавшихся переложениями с греческого языка профессионально, и высказываться о считавшихся образцовыми переводах, выполненных под руководством прп. Паисия (Величковского; † 1794)⁷. Об этом идет речь в письме 24 мая 1853 г. Муравьева настоятелю и старцу Оптиной пустыни Моисею (Путилову; † 1862): «Одно мнѣ жаль, что языкъ отца Паисія не во всемъ удобопонятенъ, особенно въ отвѣтахъ Варсанофія. Не смотря на то, что я привыкъ къ духовнымъ писаніямъ, хотя и не столь глубокимъ мыслями, есть мѣста, гдѣ невольно останавливаюсь и доискиваюсь уразумѣть, а это затрудняетъ чтеніе»⁸. Слог прозаических произведений самого А.Н. Муравьева был прекрасным — легким и изящным, благодаря чему его современники с удовольствием вчитывались в рассказы о путешествиях писателя на Святую Землю и Афон, по многим памятным местам России⁹.

Что касается *Книги о соборе*, то, по нашим наблюдениям, ее перевод не всегда точный, скорее всего выполнен в спешке и не профессионалом. Чтобы не быть голословными, мы обратились к посвящению Лигарида царю Алексею Михайловичу, открывающему первую часть *Книги о соборе*. Текст этой статьи впервые вводится в научный оборот. В русском переложении посвящение сильно сокращено. Но мы намеренно выбрали этот фрагмент произведения, чтобы показать, с одной стороны, особенности перевода, с другой — охарактеризовать (пусть даже поверхностно) литературную манеру Газского митрополита, ко-

7. Майнарди А. Основы переводческой деятельности преподобного Паисия (Величковского) // ТОДРА. СПб.: Росток, 2016. Т. 64. С. 54–68; Жун П.Б., Подковырова В.Г. Переводы преподобного Паисия (Величковского) в контексте изданий «Добротолюбия» XVIII–XXI веков // Преподобне отче Паисие, Добротолюбия подвижнике. СПб.: Контраст, 2018. С. 62–95; Горожанкин Максим. Преподобный Паисий (Величковский) — образец ученого монаха и подвижника // Труды Белгородской духовной семинарии. 2018. № 7. С. 56–63.
8. НИОР РГБ. Ф. 213 (Оптина пустынь). К. 93. № 27. Л. 13. Ср.: Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. М.: тип. «Новости», 2008. Т. 1. С. 274.
9. Моклецова И.В. Художественное творчество, публицистическая и просветительская деятельность А.Н. Муравьева в контексте русской литературы и культуры XIX века. Автореферат дисс. ... доктора филологических наук. М., 2013.

торой отечественный читатель XIX в. в полной мере не мог наслаждаться. Кроме того, мы сравнили три варианта посвящения царю: греческий (ркп. Библиотеки Румынской академии. № 371 (675)), русский (по сокращенному переложению в ркп. НИОР РГБ. Ф. 173.IV. № 64 и современному переводу, выполненному П.А. Рылик) и английский¹⁰. Изложению основных результатов наших наблюдений и посвящена данная статья.

Анализируя текст русского переложения посвящения царю середины XIX в., мы обратили внимание, что переводчик допускал смысловые ошибки, порой трактуя содержание неоднозначно (табл. 1).

Таблица 1. Проблемы перевода: неоднозначная трактовка содержания

Библиотека Румынской академии. № 371 (675)	НИОР РГБ. Ф. 173.IV. № 64	Современный перевод
Καθάπερ δὴ καὶ Ἀπελλῆς, ὁ πρὸς τὸ γράφειν θαυμάσιος, ἐπαίων τοῦ σκυτοτόμου τὴν ὑπ' αὐτοῦ γεγραμμένην κρηπίδα μωμῆσασθαι, κατεπίσθη εὐθέως λωροτόμον αὐτὸν ἠγησάμενος κἀπὶ τῷ ἰδίῳ ἐπαγγέλματι σεμνυόμενον, μάλα ῥαδίως καὶ ἠδέως, κἄγωγε ἠβουλόμην τοὺς ὀμοτέχνους μου πάντας συναγαγεῖν καὶ τὰ δοκοῦντα εἶναι αὐτοῖς διημαρτημένα ὅτι τάχιστα διορθώσας (καὶ γὰρ οὐκ εἰμὶ ἐγὼ Ἴππίας, ὁ πᾶσαν ἐπιστήμην καὶ μέθοδον λογικὴν καὶ βᾶναυσον ἐπίστασθαι	Подобно Апеллесу охотно бы собралъ я сотоварищей по искусству и живо бы исправилъ погрѣшности, которыя они бы указали: но опасаясь, чтобы по зависти не настѣли они на язвы, подобно мухамъ, потому что, по словамъ поэта Аскрейскаго: «И черепичникъ злится на черепичника, и строитель на строителя, и бѣднякъ на бѣдняка» (л. 2).	Так же как и Апеллес, замечательный своей живописью, который, услышав, как сапожник высмеивает нарисованный им сапог, сразу согласился с этим скорняком, дававшим ему указания и ставившим себя выше него благодаря той же профессии, и я охотно и с удовольствием хотел собрать всех своих товарищей по искусству и все, что неправильно, по их мнению, быстро исправить (ведь я не Гиппий, который хвастался, что он знает все науки, логические методы и ремесла,

10 Palmer W. The Patriarch and the Tsar. London, 1873, vol. 3: History of the Condemnation of the Patriarch Nikon by a Plenary Council of the Orthodox Catholic Eastern Church, held at Moscow A. D. 1666–1667. Written by Paisius Ligarides of Scio. Pp. 15–21.

Библиотека Румынской академии. № 371 (675)	НИОР РГБ. Ф. 173.IV. № 64	Современный перевод
<p>ἀλαζωνεύομενος^α, οὔτε Γοργί- ας ὁ περπερευόμενος (προπε- τῶν)^β, οἶον τε εἶναι περὶ παντὸς πράγματος καὶ προβλήματος λαλήσας καὶ λύσαι αὐτὸ τοῦτο ἐξ ὑπογυίου καὶ παρημένως^β. Ἄλλὰ πάνν σφόδρα δέδια ἐπὶ τῷ ἄλλοτριοφθονεῖν, ὅτι κατὰ τὸν Χρυσορρήμονα, αἱ τῶν πλησίον εὐδοκίμησεις, βασκα- νίας τροφαὶ εἶναι νομίζονται καὶ οἱ πλείους, ὡς μυῖαι σα- πραι, τοῖς ἔλκεσιν ἐφίζάνουσιν. Ἐνθεντοὶ καὶ ὁ Ἄσκραϊὸς ἦσε ποιητής: «Καὶ κεραμεὺς κερα- μεῖ κοτέει, καὶ τέκτονι τέκτων, καὶ πτωχὸς πτωχῷ φθονέει, καὶ ἰοιδὸς ἰοιδῷ» (fol. 3v).</p> <p>^α Так в ркп.; правильно: ἀλαζωνεύομενος. ^β Та же рука; над строкой. ^β Так в ркп.; правильно: παρειμένω.</p>		<p>и не выдающийся Гор- гий, который мог о лю- бой вещи и проблеме говорить и решить ее сразу же и беззаботно. Но я весьма сильно бо- юсь враждебной зави- сти, поскольку, согласно Златоусту, славное имя ближних обычно явля- ется пищей для злос- ловия, и большинство, как падальные мухи, на раны усаживаются. Именно поэтому и вос- пел Аскрейский поэт: «Гончар ненавидит гон- чара, и мастер мастера, как и бедняк завидует бедняку, и певец пев- цу».</p>

Следует заметить, что часто сам оригинальный текст имеет двусмысленность (табл. 2): фразу «ἀμύνασθαι... τῇ ποικίλῃ μου τῆδε καλῆ συγγραφῇ» можно перевести как «защититься этим моим разносторонним и хорошим сочинением», так и «защитить это мое разностороннее сочинение». Последний вариант видится более правильным, так как далее в тексте использован глагол действительного залога ἀπαλεξῆσαι, что значит «защищать, отстаивать», хотя вполне возможно, что Лигарид намеренно использовал такую синтаксическую конструкцию, играя словами.

Таблица 2. Проблемы перевода: двусмысленность греческого текста

Библиотека Румынской академии. № 371 (675)	НИОР РГБ. Ф. 173.IV. № 64	Современный перевод
Πέλοθα δ' ἔμαυτῶ καὶ σὲ τὸν κράτιστον καὶ θεϊότατον βασιλεῖα ὑπόχρεων γενήσεσθαι τοῦ ἀμύνασθαι καὶ ἀπαλεξῆσαι τὰ κράτιστα τῇ ποικίλῃ μου τῆδε καλῇ συγγραφῇ τῇ ἀντεχομένη τῆς ἀψευδείας ὅτι καρτερῶς (fol. 3r).	Я убѣждень, что ты, божественнѣйшій государь, обязанъ будешь вступить за разнообразное и хорошее сочиненіе мое, которое сильно отстаиваетъ истину, ибо свидѣтельствуюсь царственною правдою (л. 1 об.)	Я убежден, что ты, сильнейший и божественнейший государь, обязан будешь защищать и отстаивать наилучшим образом это мое разностороннее и хорошее сочинение, придерживающееся правды как можно точнее.

Возвращаясь к существенным недостаткам русского переложения, следует отметить наличие в нем фрагментов, отличающихся от греческой версии по сути и сильно ограничивающих содержание: очевидно, переводчик старался больше пересказать, чем дословно перевести оригинал (табл. 3).

Таблица 3. Проблемы перевода: ограничение содержания пересказом

Библиотека Румынской академии. № 371 (675)	НИОР РГБ. Ф. 173.IV. № 64	Современный перевод
'Εγὼ γὰρ (νῆ τὴν βασιλικωτάτην ἀλήθειαν) οὐτε ῥητορικαῖς ἐπεχρησάμην ἐπιτάσει, ταῖς ἐπιφορτιζομέναις καλλωπισμὸν τοῖς πράγμασι καὶ μέγεθος ἐπιτερπὲς καὶ μετέωρον, οὐτε μὴν ἐπετάχυνα ταῖς ἀντιτέχνοις μειώσεσι, ταῖς ἐλαττούσαις καὶ σικρνούσαις διακενῆς τὰς ὕλας τῶν ὑποθέσεων (fol. 3r).	Я не прибѣгаль не къ риторическому преувеличению, ни къ умаленію предметовъ (л. 1 об.).	Ведь я (клянусь царственнейшей правдой) не использовал риторические преувеличения, перегруженные приукрашиваниями вещей и размахом широким и чрезмерным, и не торопился с безыскусными преуменьшениями, напрасно сокращающими и умаляющими материалы дела.

На основании приведенных примеров, считаем, что проблема авторства перевода *Книги о соборе* требует специального исследовательского внимания и привлечения для сопоставительного анализа переложений, выполненных А.Н. Муравьевым.

Вернемся к двум греческим спискам, которые тоже достаточно примечательны. Копия, хранящаяся в Бухаресте, в библиотеке Ру-

мынской академии — № 371 (675) (1710-е – нач. 1720-х гг.) изготовлена анонимным профессиональным писцом из круга переводчика и дидакала, профессора Бухарестской академии Георгия Хрисогона (Трапезундского) († 1739) со списка, сделанного, вероятнее всего, каллиграфом Иоанном Сакулисом в 1667–1669 гг. в Москве¹¹. Б.Л. Фонкич полагал, что эта искусно выполненная греческая версия является самой полной из известных копий *Книги о соборе*. Однако детальное изучение ее состава показало отсутствие нескольких глав в первой и третьей частях. Тем не менее, полагаясь на научный опыт Бориса Львовича и его безупречное знание греческих источников, мы используем этот список для современного перевода.

Афинская копия — Геннадиевская библиотека. Mss. 260 (29433) — самая поздняя по времени исполнения: Б.Л. Фонкич в неопубликованном описании, находящемся в личном архиве ученого, датировал рукопись первой третью XVIII в. История этого манускрипта связана с коллекцией филэллина Ф. Норты, 5-го графа Гилфорда (1766–1827). Оригинал списка установить пока не удалось.

Таким образом, греческие списки по хронологии и значимости можно распределить в следующем порядке: Синодальный список — самый ранний из известных, с которого сделаны русский и английский переводы, Бухарестский — самый полный и профессионально выполненный, а потому привлекаемый нами для современного перевода, и Афинский — самый поздний, отражающий заключительный этап бытования сочинения Лигарида.

Списки русского перевода — их известно пять — не имеют интересной рукописной истории, а примечательны своим составом. Рукопись *Книги о соборе*, хранящаяся в Киеве в одном из портфелей А.Н. Муравьева и содержащая, по предположению Б.Л. Фонкича, первый перевод Синодального текста на русский язык¹², в настоящее время недоступна. Из четырех оставшихся списков три находятся в Москве, один — в Санкт-Петербурге.

11. Фонкич Б.Л. Из истории греческого книгописания в Бухаресте в первой трети XVIII в. // *Spicilegium Byzantino-Rossicum*. Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента РАН И.П. Медведева. М.; СПб.: Индрик, 2015. С. 314, 317.
12. Фонкич Б.Л. Греческие рукописи А.Н. Муравьева. С. 244.

Московские рукописи поздние: выполнены почти одновременно — в середине XIX в. и связаны своим происхождением с Московской духовной академией — НИОР РГБ. Ф. 173.IV («Прочие» библиотеки МДА) и Ф. 172 (Московская духовная академия. Архив). К. 491. № 22. Последняя, «архивная» рукопись названа «Изложением о поместном Соборе» и «возражениями против учения патриарха Никона». Она, в отличие от двух других московских манускриптов, имеет многочисленные карандашные пометы на полях, свидетельствующие о высоком интересе к содержанию памятника читателя, проверявшего по разным источникам изложенные Лигаридом факты и даты. Другие рукописи из библиотеки МДА с переводом *Книги о соборе* не менее интересны. Первая — № 64 именуется «Собор против Никона, бывший в великом граде Москве», и, как и архивная, содержит перевод только первой части *Книги о соборе*¹³. В современном описании манускрипта на отдельном листе, вложенном под верхнюю крышку переплета, есть отметка «Список с рукописи 1710 года», которая отсылает к Синодальному манускрипту, где эту дату можно увидеть в начале книги¹⁴.

Вторая рукопись — № 69 названа «Историей осуждения патриарха Никона» и включает русский перевод первых двух частей *Книги о соборе*, дополненный статьями о патриархе Никоне. Судя по пометам, сделанным писцами, перевод скопирован 27 июня 1858 г. в Москве, а дополнения к нему — в декабре 1855 г.

Сравнение текста первой части *Книги о соборе* в двух московских рукописях показало его зависимость в манускрипте № 69 от № 64. Повторена структура оригинала, воспроизведены ошибки писца. Вторая же часть в манускрипте № 69 обнаружила текстуальное сходство с русским переводом в рукописи СПбИИ РАН. Ф. 261 (Бумаги В.Н. Бенешевича). Оп. 1. № 8 (XIX в.), где воспроизведено содержание трех частей, из которых состоит греческий протограф. Как мы установили, заключительная часть представляет собой перевод на русский язык английского переложения с греческого оригинала, выполнен-

13. В дальнейшем ссылки на листы этой ркп. в тексте в круглых скобках после цитаты.

14. Фонкич Б.А., Поляков Ф.Б. Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. С. 134.

ного британским богословом и историком У. Палмером¹⁵ (1811–1879). Автор русского перевода протоиерей Х.К. Максимов (1851–1938)¹⁶ известен в истории Русской православной церкви как борец с расколом и антисектанский миссионер. В 1877 г. по завершении обучения в Московской духовной академии Христофор Константинович защитил диссертацию на тему «Патриарх Никон в литературной борьбе с Паисием Лигаридом» и получил степень кандидата богословия.

Таким образом, списки русского перевода мы можем распределить по хронологии, но не изготовления рукописей, а выполнения перевода: НИОР РГБ. Ф. 173.IV. № 64 и Ф. 172. К. 491. № 22 — первая часть около 1855 г.; № 69 — вторая часть около 1858 г.; СПбИИ РАН. Ф. 261. Оп. 1. № 8 — третья часть вскоре после 1873 г.

Подробное знакомство с русскими переложениями двух первых частей *Книги о соборе* обнаружило неполноту и избирательность работы переводчика: оставлена хронологическая канва событий, опущены философские рассуждения и риторические отступления, «гдѣ Паисій, — по словам Н.Ф. Каптерева, — вдается въ ненужное, вовсе не идущее къ дѣлу многоглаголаніе»¹⁷. Русский перевод чрезвычайно обеднил художественную сторону текста. Но несмотря на краткость изложения, в нем сохранилось присутствие авторского «Я» Лигарида — неординарного автора и талантливого повествователя, который, судя по источникам, широко использует литературный прием, ставший приметой его индивидуального стиля в поэтических и прозаических сочинениях московского периода жизни, — обращение к античности¹⁸.

15. *Севастьянова С.К., Рылик П.А., Бондач А.Г.* Сочинение Газского митрополита Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном: проблемы исследования и перевода // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 65–78. DOI: 10.17223/18137083/80/7.
16. [Б. а.] Описание фонда 261. Бумаги В.Н. Бенешевича. 1871–1909. Машинопись. [б. д.] С. 1. № 8; Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 605 с. С. 260; *Победимова Г.А., Срединская Н.Б.* Фонды и коллекции архива: Краткий справочник. СПб.: Блиц, 1995. 49 с. С. 26.
17. *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1915. Т. 2. С. 227. Здесь и далее ссылки на дореволюционные издания воспроизводятся в орфографии оригинала.
18. *Елеонская А.С.* Русская публицистика второй половины XVII века. М.: Наука, 1978. С. 40–44.

Что из себя представляет посвящение Лигарида царю Алексею Михайловичу по содержанию и литературным особенностям в русском переводе середины XIX в.?

Несмотря на значительно меньший по сравнению с греческим оригиналом (3 листа мелким почерком в формате in folio) и английским переложением (7 печатных страниц) объемом, русскоязычное посвящение царю сохраняет определенную структурированность материала: приветствие, просьбы Лигарида к царю о защите сочинения и его самого от нападок недоброжелателей, объяснение этимологии имени *Алексей* и заключительная похвала Алексею Михайловичу. Все эти разделы, плавно вытекающие один из другого, органично сосуществуют в общей панегирической стилистике, пронизывающей изложение. Во второй половине XVII в. при дворе Алексея Михайловича особую популярность получили книжные подношения-посвящения. В наибольшей степени они нашли выражение в творчестве придворного поэта-панегириста Симеона Полоцкого. Своим происхождением торжественные речи обязаны украинской и западно-белорусской традиции панегирических прозаических и поэтических посвящений XVI–XVII вв., укорененной в книжно-византийской культуре и риторике античной эпохи¹⁹. В русле этого культурного опыта Лигарид характеризует свой труд, а также восхваляет духовные качества и государственные заслуги российского правителя.

В характеристиках *Книги о соборе* и работы над ней раскрывается творческая манера Лигарида. Автор называет «соборную книгу» «славным приношением», «хорошим» и «разнообразным сочинением», чему во многом способствуют ее источники: «Она испещрена любопытными канонами, интересными переговорами, украшена патриаршими и соборными постановлениями» (л. 1 об.). Изложение истории осуждения патриарха Никона с детализированным описанием событий, дополненным ссылками на церковные законы, украшенным риторическими отступлениями и отсылками к авторитетам,

19. [Б. а.]. Панегирические произведения первой четверти XVIII в. и их связь с петровскими преобразованиями // Панегирическая литература Петровского времени / Изд. подгот. В.П. Гребенюк; под ред. О.А. Державиной. М.: Наука, 1979. С. 5–9.

призвано убедить заказчика — царя Алексея Михайловича в том, что автор «сильно отстаивает истину» и руководствуется в своей работе исключительно исторической правдой. «... Я научился быть правдивым и, далеко отстранивъ лесть, держался одной истины. Я простой безыскусственный повѣствователь, какъ видѣлъ вещи, такъ и передаю, ни прибавляя, ни убавляя. Какъ зналъ я Никона, такъ и описалъ, употребляя слова какъ краски» (л. 1 об., 2 об.). Для большей убедительности Лигарид апеллирует к «правдолюбцу» Фукидиду (V в. до н.э.), великому древнегреческому историку, который в своих трудах проповедовал объективность и беспристрастность, добросовестность и умеренность в изложении фактов²⁰: «Но я, правосудный Государь, защищу себя, какъ предъ ареопигомъ, словами правдолюбца // Фукидида, что “исторія есть имущество, составленное однажды навсегда, есть вѣрное зеркало человѣческой жизни”» (л. 2–2 об.). В то же время признания Лигарида в правдивости и отстаивании исторической истины стали речевым штампом в его сочинениях о личности и деяниях патриарха Никона. В ответах Паисия на 30 вопросов к нему боярина С.Л. Стрешнева о Никоне, он, провозгласив себя глашатаем правды и истины, признавался: «... выучен от иеросалимскаго начолоучителя Христа моего проповѣдати истинну, так на встречах, как і в церковных мѣстах, на амбонах <...> послѣдующе Христа, отвѣщаю вам яко проповѣдник истины. <...> Я хощу правду говорить и умру для правды Божіи»²¹. В послании к Никону 1662 г. Лигарид восклицал: «Да прилѣпится языкъ въ гортани моей, аще лжу. Како же и солгу, аще гдѣ устна по Малахію не лгутъ іереа, его же слова сребро огнствованное, паче злата и топазіа честнѣйшая»²².

А вот изложение, при котором слова используются «как краски», выдает в Лигариде автора, умеющего украсить свою речь разнообразными метафорическими средствами и риторическими приемами, — виртуоза пера, которому намеренно приниженное

20. Лурье С.Я. Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 296–317.
21. Историческое исследование дела патриарха Никона / Сост. по офиц. документам Н. Гиббенет. СПб.: Тип. Мин-ва внутренних дел, 1884. Ч. 2. С. 519–520.
22. Там же. СПб.: Тип. Мин-ва внутренних дел, 1882. Ч. 1. С. 235.

именование «простым безыскусственным повѣствователем» совсем не подходит. «Я не прибѣгалъ не къ риторическому преувеличенію, ни къ умаленію предметовъ. // < ... > Подобно Апеллесу охотно бы собралъ я сотоварищей по искуству и живо бы исправилъ погрѣшности, которыя они бы указали» (л. 1 об. – 2). Известно, что главной заслугой Апеллеса (IV в. до н.э.), гениального древнегреческого живописца, было умение воодушевлять зрителя изобразительными образами. По воспоминаниям современников художника, четыре цвета, которыми он писал свои полотна, покрытые тонким слоем глазури, играли разными оттенками, становились живее и лучше передавали цветовую гамму²³. Так и повествование Лигарида, по его замыслу, как историческое полотно творца должно было сразить читателя цветовой палитрой многообразных источников и переливами красок в «играх» со словами.

Сравнивая ораторские способности царя Алексея Михайловича с риторической техникой античных судебных защитников, благодаря которым он сможет стать Паисию «оборонителемъ отъ могучихъ враговъ, и защищать это предпріятіе, такъ оно велико, сильно, полно упрековъ» (л. 2), себя митрополит ставит в один ряд с «поэтом Аскрейским», вероятно, древнегреческим рапсодом Гесиодом (VIII–VII вв. до н.э.). Произведения Гесиода, среди которых прославившие его при жизни поэмы «Труды и дни» и «Теогония», отличаются, по мнению исследователей, разнообразием привлеченного и обработанного материала: эпические сказания о богах и нравственные увещевания, хозяйственные записи и фольклор, афоризмы и приметы²⁴. Эта нарративная микшированность в сочетании с поэтическим и музыкальным даром способствовали высокой оценке поэта в эллинском мире, где его песни и поэмы ценились выше Гомеровских гекзаметров²⁵. «Песенность» и «сладкозвучность» являлись и для

23. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. Харьков: Фолио; М.: ООО «Изд-во АСТ», 2000. Т. 5. С. 754–755.

24. Лосев А.Ф., Сонкина Г.А., Тахо-Годи А.А., Тимофеева Н.А., Черемухина Н.М. Античная литература. М.: Просвещение, 1986. С. 63.

25. Никишин В.О., Стрелков А.В., Тахо-Годи А.А., Фролов Э.Д. Древняя Греция // Православная Энциклопедия. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2007. Т. 16. С. 240.

Паисия важными составляющими самовыражения и авторской стилистики²⁶. Определяя художественные особенности своих сочинений, Лигарид назвал их «напѣвами» и «сиринейскими пѣснями»²⁷. Значит, во всем его литературно-публицистическом творчестве, в том числе и в *Книге о соборе*, благозвучие должно было производить эмоциональное воздействие на читателя и убеждать его в правдивости и искренности намерений повествователя.

По наблюдению А.С. Елеонской, назвавшей сочинения Лигарида «ранними образцами светского направления в русской публицистике XVII в.», в них, несмотря на «неуклюжесть» перевода, заметны стремления к занимательности, живости и доходчивости изложения²⁸. Так, Лигарид включает в повествование фразеологизмы: «годы Мафусаиловы»; сравнения и метафоры: враги — мухи, слова — краски; «преклоняю колѣна души моей»; «какъ линіи соединяются въ одномъ центрѣ, а моря въ одномъ океанѣ, такъ и всѣ доблести въ тебѣ сосредоточиваются, отдыхаютъ и покоятся»; «облекся царственнымъ покровительствомъ твоимъ какъ броню, какъ спасительнымъ всеоружіемъ» (л. 2 об., 3–3 об.).

Паисий приводит много цитат, при этом, как правило, указывает не источник, а автора: «По словам поэта Аскрейскаго», «словами правдолюбца Фукидида». В тех случаях, когда автор не конкретизирован, «чужое» слово звучит как крылатая фраза, афористическая и образная: «Одинъ изъ древнихъ, чтобы польстить кесарю, сострилъ слѣдующимъ образомъ: кто осмѣливается, самодержецъ, приблизится къ державному владычеству твоему, тотъ, вообще говоря, не имѣетъ понятія о неприкосновенности твоей власти...» (л. 1).

Примечательно использование Лигаридом такой риторической фигуры речи как употребление вместо имени собственного метафоры, выражающей его значение: «Всевышній избралъ тебя спасителемъ и избавителемъ погибшей Эллады <...> О будь намъ словомъ и дѣло Алѣξιος оборонителемъ, христілюбцемъ, боголюбцемъ». Имя *Алексей*, как известно, греческого происхождения и имеет корень

26. Елеонская А.С. Русская публицистика второй половины XVII века. С. 44.

27. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 234.

28. Елеонская А.С. Русская публицистика второй половины XVII века. С. 42.

ἀλεξ- со значением защиты, обороны, охраны и отвращения зла²⁹. Эту морфему Лигарид вводит еще в самом начале посвящения царю, используя глагол ἀπαλεξῆσαι — защищать (см. табл. 2), как бы подготавливая читателя к дальнейшим манипуляциям с корнем. Обыгрывание имени *Алексей* в данной содержательной парадигме соответствовало политико-идеологизированным настроениям современности Лигарида и византийской литературной традиции.

В многочисленных нарративах, пришедших из греческого мира в адрес Алексея Михайловича, настойчиво звучала мысль об освободительной миссии русского царя на православном Востоке. «Всевышній избралъ тебя спасителемъ и избавителемъ погибшей Эллады» (л. 3) — писал и сам Газский митрополит, видя в великом предназначении московского царя Божественное провидение. Надо сказать, что еще до рождения Алексея Михайловича на него, долгожданного наследника царя Михаила Федоровича, греческие авторы в своих посланиях к первому правителю новой династии возлагали надежды как на «освободителя» «благочестивых христиан»³⁰.

Восхваляя царя Алексея Михайловича — «природного наследника и преемника» великих правителей древности, Лигарид перечисляет достоинства русского царя: его «державное» милосердие и военные «тріумфы», «врожденное» «благодушіе» и «общедоступность». Тема «непобѣдимый Государь», «побѣдоносно восторжествовавший надъ врагами», — одна из ведущих в посвящении Лигарида, была традиционной в адресованных Алексею Михайловичу торжественных приветствиях в прозе и виршах³¹. Но если в кратком русском переводе эта тема звучит как клише, то в оригинальном греческом тексте она выражена полнее, а в английской версии даже конкретизирована (табл. 4).

29. *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М.: Государственное изд-во иностр. и национ. словарей, 1958. Т. 1. С. 77.

30. *Чеснокова Н.П.* Христианский Восток и Россия: Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (По документам Российского государственного архива древних актов). М.: Индрик, 2011. С. 170.

31. *Сафонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 434, 440, 452.

Таблица 4. Фрагмент посвящения царю о двух народах и языках в трех версиях — греческой, русской и английской

Библиотека Румынской академии. № 371 (675)	НИОР РГБ. Ф. 173.IV. № 64	<i>Palmer W. The Patriarch and the Tsar, vol. 3</i>
Πότε, πότε ἀναστήσονται τὰ δύο ἔθνη, ὧν ἡ διάλεκτος καὶ ἡ γλῶσσα ἔσται μία, καὶ συνάψουσι τὸν πόλεμον ἐν τῷ τόπῳ, οὗ ἔστιν ὁ λίθος ὁ τρυπητός; Τότε γὰρ τροπώσονται ὅλον τὸν Ἰσμαῆλ (fol. 5r).	Когда-то, когда-то воспрянуть оба народа, которыхъ языки стануть однимъ языкомъ, и предпримуть войну въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится камень разсѣвшійся (Голгофа), ибо тогда побѣдятъ измаилитянина (л. 3).	When, O when, shall the two nations arise, whose language and speech shall be one [<i>i.e.</i> Muscovy and Lithuania, if the succession to the crown of Poland should be obtained by the tsar Alexis], and make war in the place where is the perforated stone? For they shall put to flight all Ismael (p. 20).

Судя по табл. 4, ни в греческом оригинале, ни в русском переложении содержание данного фрагмента не проецируется на современную Лигариду политическую жизнь России. Палмер же связал указанный эпизод с ситуацией начала 1667 г., когда подписанием Андрусовского перемирия 30 января завершилась тринадцатилетняя Русско-польская война и вновь, как в 1655 г., встал вопрос о претенденте на польский престол. Тогда в роли соискателя выступил русский царь Алексей Михайлович; рассматривался вопрос о выдвижении на польский престол царевича Алексея Алексеевича, но сейм Речи Посполитой утвердил кандидатуру царя. Возобновившаяся в 1658 г. Русско-польская война сделала вопрос о польском престоле неактуальным³².

К обсуждению кандидатуры на польский трон вернулись после заключения сторонами перемирия, укрепившего политические позиции России. Когда первые месяцы 1667 г. Лигарид составлял *Книгу о соборе* и обдумывал посвящение царю, переговоры о возможном занятии польского престола русским царевичем Алексеем Алексеевичем

32. Талина Г.В. Россия и Речь Посполитая: взаимные претензии на престол в XVII в. // Россия и Польша: Опыт тысячелетнего соседства: Материалы Международной научной конференции. М.: МПГУ, 2019. С. 127.

находились в активной фазе: Россия пыталась найти поддержку у Австрии и Испании, предлагая себя в союзники для борьбы с Османской империей. Позже, когда Алексей Михайлович ознакомится с русским переводом сочинения Лигарида о суде над патриархом Никоном, станет известно, что дипломатические усилия русской стороны результатов не принесли, и осенью 1668 г. он откажется от намерения выдвигать кандидатуру своего сына на выборах³³. Но Палмер, судя по его комментарию, усмотрел в рассматриваемом фрагменте горячее желание Газского митрополита видеть царя Алексея обладателем польской короны.

С темой освободительной миссии русского царя связан другой фрагмент посвящения — об этимологии имени *Алексей*³⁴. Рассуждая о значении онима, Лигарид разбил слово на буквы и для каждой подобрал новую лексему. Получилась фраза примерно следующего содержания: носитель имени Алексей достойно будет владеть свободным народом и сокрушит губительного измаильтянина. Способ, к которому прибегнул автор, не имеет аналогов в русской культуре, зато под названием «экспозиция» или «композиция» был хорошо известен на средневековом Западе. По наблюдению французского культуролога Бернара Гене, суть метода состояла не в поиске слова, объясняющего происхождение нужного термина или имени, а в дополнении, или «наращении» каждого слога или буквы, которые в него входят. Подобные объяснения стали занимательными «исследованиями», благодаря которым ученые надеялись лучше объяснить слова, лучше уловить их сокровенный смысл <...> Все устремления средневекового знания были направлены на то, чтобы превзойти уровень буквы и достичь уровня духа, найти по ту сторону буквального смысла слова его духовный и мистический смысл»³⁵.

33. *Талина Г.В.* Россия и Речь Посполитая. С. 128.

34. *Севастьянова С.К.* Семиотический аспект имени собственного: об интересе Паисия Лигарида к этимологии имени // *Критика и семиотика.* 2022. № 2. С. 195–210. DOI: 10.25205/2307-1737-2022-2-195-210.

35. *Гене Бернар.* История и историческая культура средневекового Запады / Пер. с фр. Е.В. Баевской, Э.М. Береговской. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 214–215, 217.

Таким образом, краткий русский перевод, хоть и в искаженном виде, но смог отразить некоторые литературные особенности стиля Лигарида. А вот английский текст достаточно полно выразил не только литературные, но и политические стратегии митрополита, по-своему интерпретированные Палмером.

Переводческая деятельность Палмера, переложившего на английский язык огромный комплекс нарративных источников по «делу» патриарха Никона и издавшего их в шести томах, требует специального исследования. Ряд наблюдений об этой работе ученого богослова высказала филолог В.Б. Тумина. Исследователь проанализировала перевод ленинградского списка «Возражения» патриарха Никона³⁶. Оказалось, Палмер сокращал источник перевода (например, величия царской семьи и длинные цитаты) и вносил изменения в содержание: унифицировал названия глав, лишая текст «непосредственности» и «стремительности», «темперамента» и «настроения автора», которые выражались как раз в бессистемности и вариативности заголовков; испытывая трудности перевода слов, характеризующих русскую действительность, он воспроизводил их латиницей, показывая тем самым низкую востребованность этой лексики для его цели; церковные и библейские источники, привлекаемые Никоном, Палмер давал в доступных ему английских переводах и не сравнивал с текстами в «Возражении», которые патриарх, как известно, заимствовал из древних нарративов и современных ему изданий. Тумина отметила и такие случаи вмешательства Палмера в авторский текст, как расширение цитат особенно из Кормчей (когда Никон дает только названия, номер и перечень правил), замена местоимения на конкретное имя, точное указание на цитату и т.д.

В общем виде наблюдения Туминой схожи с нашими оценками работы Палмера. Главная заслуга переводчика состоит в том, что он внимательно прочитал греческий текст и устранил путаницу в нумерации глав в первой части. Но при переложении на английский язык, как и при

36. Тумина В.Б. Краткое филологическое описание // Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's "Refutation" / Edited with Introduction and Notes by Valerie A. Tumins and George Vernadsky. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton Publishers, 1982. P. 76–79.

изложении «Возражения» патриарха Никона, он активно вмешивался в оригинальный текст. В посвящении царю, например, он неоднократно делал вставки уточняющего характера, чем облегчал понимание содержания. Так, о греческом поэте Филоксене Палмер добавляет: *Philoxenus, the dithyrambic poet of Cythera* (Филоксен, поэт, автор дифирамбов), тогда как в оригинальном тексте говорится только «Филоксен Киферский» (ὁ Κυθήριος Φιλόξενος). Британский богослов не только расширяет, но и сокращает текст, опуская либо трудные для понимания фрагменты, либо часто используемые Лигаридом синонимы и их повторы: *προσπελάσαι καὶ προσεγγίσει* (подойти и приблизиться) — *to approach* (приблизиться); *μάλα ῥαδίως καὶ ἡδέως κἄγωγε ἠβουλόμην... συναγαγεῖν* (и я тоже охотно и с удовольствием хотел собрать — *so I too should be very glad... to collect* (и я тоже был бы очень рад собрать); *ἄφελεις πεφκότες καὶ ἀπλοῖκοι γεγεννημένοι, τὴν σκάφην σκάφην λέγουσι καὶ τὰ σῦκα σῦκα φράζουσιν, ἀπαραποιήτως φρονοῦντες καὶ ἀπλάστως συνείροντες* (по натуре простые и рождены бесхитростными, корыто называют корытом, а смокву зовут смоквой, мысля без притворства и говоря откровенно) — *being by nature simple, rude, matter-of-fact people, call a tub a tub and figs figs* (будучи по натуре простыми, невежественными, прямыми, называют корыто корытом, а смокву смоквой) и т.д.

Однако наиболее важным при изучении английского перевода является, на наш взгляд, то, что оказалось скрытым от русского читателя при переложении в XIX в. Это, в первую очередь, те многочисленные и разнообразные источники, позволяющие судить не только о широчайшей эрудиции Лигарида, но и о его способности соединять в повествовательном пространстве сочинения авторов разных эпох и мировоззрений, заимствования из произведений разных стилей и жанров. Приведем несколько ярких примеров.

В числе авторитетов Лигарида — «друг» Григорий Богослов († 389), архиеп. Константинопольский и свт. Иоанн Златоуст († 407), «ученейший» Плутарх (II в. до н.э.), Платон (IV в. до н.э.) и Пифагор (VI–V вв. до н.э.), Дионисий Галикарнасский (I в. до н.э.) — «кладезь благоразумия» и Мефодий Патарский († 312), древнегреческие историки Полибий (II в. до н.э.) и Фукидид (V в.

до н.э.). Исторические фигуры, сохранившиеся в памяти потомков из-за притеснений властителей, необходимы Лигариду в качестве примеров тех, чью судьбу он не хотел бы повторить. Так, митрополит цитирует замешанного в придворных интригах сына Македонского царя Аминты II Филиппа (V–IV вв. до н.э.) о точном именовании предметов и упоминает о поэте Филоксене (V–IV вв. до н.э.), отправленном в каменоломню за критику дифирамбов, написанных тираном Сиракуз Дионисием I.

Среди древнегреческих и древнеримских мифологических персонажей, на которых Лигарид хотел бы походить в случае нападков на него недоброжелателей, — Абарис, прорицатель и жрец Аполлона, который летал на волшебной стреле; Гигес — Лидийский царь, обладатель волшебного кольца, делавшего его невидимым; Трептолем — наделенный богиней плодородия Деметрой атрибутами земледелия — запряженной драконами крылатой колесницей и пшеничными зернами; Геракл с тяжелой дубиной, с помощью которой он, совершая свой первый подвиг, убивает немейского льва; Нептун с неизменным атрибутом — трезубцем, устрашающим врагов оружием.

Сравнивая своих недругов со злыми зверями и мародерами, с шумными корибантами (мифическими предшественниками жрецов древнегреческой богини Кибелы и буйными нравом и невоздержанными кентаврами, которых обращали в бегство лапифы (представители полумифического и полуйсторического племени), он находит им и другие параллели как в мифологических историях, так и среди реальных людей. Газский митрополит вспоминает о насмешливом Моме — боге критики, лопнувшем от злости, не найдя ни одного недостатка у Афродиты; угрюмом Зоиле — греческом философе и литературном критике (IV в. до н.э.), чье имя стало нарицательным для обозначения завистливого, язвительного и мелочного критикана; резком Архилохе — древнегреческом поэте, прославившемся хулительными ямбами в адрес невесты Необулы и ее отца Ликамба, разорвавших помолвку и покончивших с собой из-за позора и насмешек Архилоха; и сатирике ямбографе Гиппонаксе (VI в. до н.э.), который своими насмешками довел изобразивших его в карикатурном виде двух скульпторов до самоубийства.

Находя для себя образцы поведения автора, чьи работы подвергаются критике, Лигарид обращается к опыту величайшего древнегреческого скульптора Фидия (V в. до н.э.), который, завершив скульптурное изображение Юпитера, выставил его на всеобщее обозрение, а сам, спрятавшись за статуей, слушал замечания зрителей, чтобы впоследствии подкорректировать свое творение в их угоду. Другим примером образцового поведения творческой личности в ее реакции на замечания является для Лигарида уже упоминавшийся живописец Апеллес, который тоже прятался за своими произведениями, подслушивая мнение прохожих. Из греческого оригинала и английского перевода узнаем о самом известном анекдоте из жизни художника: в изложении Лигарида, великий живописец внял критике башмачника, увидевшего раскрашенный мастером сапог, и исправил дефект. А вот древнегреческого философа-софиста Гиппия (IV–V вв. до н.э.), претендующего, по словам митрополита, на всезнание, а потому заслужившего от него эпитет «честолюбивый», и другого софиста и «отца риторики» Горгия (IV в. до н.э.), по замечанию Паисия, хвалящегося интеллектом и способностью говорить на любые темы, Газский митрополит не идеализирует.

А еще Лигарид упоминает об «августейшем Цезаре» и царе Птолемея, правителе Мидии Мемноне и математике Зенодоре (II в. до н.э.), архитекторе Гермодоре Саламинском (II в. до н.э.) и военном инженере Сострате Книдском (IV–III вв. до н.э.), архитекторе Аполлодоре Дамасском (II в. до н.э.) и афинском риторе Исократе (V–IV вв. до н.э.), рапсоде Гесиоде (VIII–VII вв. до н.э.) и трагике Эсхиле (V–VI вв. до н.э.), о царствовавших долгожителях — мифическом царе Пилоса Несторе и Аргантонии — царе древнего города-государства Тартесса (VII–VI вв. до н.э.), а также о долгоживущих эфиопах, или макробиях.

Перечисляет самые прославленные архитектурные сооружения Древнего мира, входившие в древности в список «Семи чудес света» — Колосса Родосского, гигантскую статую древнегреческого бога Солнца — Гелиоса, или Аполлона; Фаросский, или Александрийский маяк; статую Юпитера работы Фидия. Упоминает Лигарид и о не менее значимом сооружении древнего Рима — колонне на форуме Траяна.

Необычное соединение исторических персонажей и событий, древних творцов и их творений, критические оценки происходящего на страницах *Книги о соборе*, составление типологических и метафорических рядов, использование риторических и стилистических приемов, способствовавших занимательности и привлекательности повествования — все это превращало созданный Лигаридом нарратив в насыщенное словесно-цветовыми гаммами художественное полотно. Музыкальные трели из тропов и аккорды риторических фигур, изящный и утонченный, остроумный и гибкий литературный язык, блестящее владение которым демонстрировал Лигарид, скрепляли в едином визуально-звуковом движении все публицистическое повествование Газского митрополита.

Грек по происхождению, иезуит по образованию и образу жизни, Лигарид тонко чувствовал людей и умел приспособливаться к ситуации. Чтобы упрочить свое положение при дворе и заручиться поддержкой царя Алексея Михайловича, в которой Лигарид нуждался после осуждения патриарха Никона и особенно во время разоблачения восточными патриархами истинного положения Газского митрополита в греческой церкви, Паисий использовал свои риторические навыки и литературные познания для восхваления русского царя и построения панегирических тирад в его адрес. Посвящение царю, открывающее *Книгу о соборе*, как и любой другой раздел этого чрезвычайно насыщенного фактами и событиями произведения, есть миниатюрное отражение литературных навыков и умений Паисия Лигарида, его богатого творческого опыта и незаурядного его воплощения. «Игры» в этимологию, жонглирование буквами и словами, акростишное «наращение» и риторические изыски, «музыкальность» и «красочность» изложения, прекрасный литературный язык — все эти приемы риторической культуры, виртуозное владение которыми демонстрировал Газский митрополит, способствовали восприятию его в России как образованнейшего человека, неординарную личность, яркого и самобытного автора, талантливого ученого и блестящего витию, владевшего широким диапазоном ораторских возможностей и богатым спектром коммуникативных техник.

Приложение

Текст посвящения царю в русском переложении XIX в. издается по ркп. НИОР РГБ. Ф. 173.IV («Прочие» библиотеки МДА). № 64. Л. 1–3 об. в орфографии оригинала. Пунктуация и разбивка текста на смысловые фрагменты соответствуют современному прочтению.

(Л. 1) I.

Божественнѣйшему и тишайшему боговѣнчанному царю блаженнѣйшей столицы Москвы и всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу и иныхъ областей, Августу, владыкѣ и природному наслѣднику и преемнику государю Алексѣю Михайловичу благоденствія, побѣды и спасенія желаетъ Газскій митрополитъ Паисій.

Одинъ изъ древнихъ, чтобы польстить кесарю, сострилъ слѣдующимъ образомъ: кто осмѣливается, самодержецъ, приблизится^а къ державному владычеству твоему, тотъ, вообще говоря, не имѣетъ понятія о неприкосновенности твоей власти; съ другой стороны, кто не дерзаетъ подойти къ человѣколюбивому и кроткому владычеству твоему, тотъ не знаетъ // (л. 1 об.) ни державнаго милосердія твоего, ни благоволенія. Это самое смѣло высказываю тебѣ и я — не въ шутку, а за правду, зная врожденное тебѣ благодушіе и твою общедоступность. Приближаюсь къ тебѣ, непобѣдимому государю, стяжавшему много тріумфовъ, побѣдоносно восторжествовавшему надъ врагами видимыми и незримыми, и посвящаю какъ бы славное приношеніе — сію соборную книгу, содержащую въ себѣ исторію Никонова осужденія. Она испещрена любопытными канонами, интересными^б переговорами, украшена патріаршими и соборными постановленіями. Я убѣжденъ, что ты, божественнѣйшій государь, обязанъ будешь вступиться за разнообразное и хорошее сочиненіе мое, которое сильно отстаиваетъ истину, ибо свидѣтельствуюсь царственною правдою.

^а В ркп. *испр.* из приблизится путем зачеркивания буквы ж и исправления ее первого закругления на букву з.

^б В ркп. в середине слова *испр.*; *неразб.*

Я не прибѣгалъ не къ риторическому преувеличенію, ни къ уменьенію предметовъ. // (л. 2) (Сравненія изъ мифологіи и исторіи) Подобно Апеллесу охотно бы собралъ я сотоварищей по искусству и живо бы исправилъ погрѣшности, которыя они бы указали: но опасаясь, чтобы по зависти не наслѣли они на язвы, подобно мухамъ, потому что, по словамъ поэта Аскрейскаго: «И черепичникъ злится на черепичника, и строитель на строителя, и бѣднякъ на бѣдняка». Какъ издревле люди, не владѣющіе аттической рѣчью, для удовлетворенія нуждъ своихъ, для защиты себѣ избрали въ судахъ адвокатовъ — такъ точно и я тебя избралъ своимъ представителемъ...

Преклоняю колѣна души моей и молю тебя не оставить меня, но быть постоянно такимъ, какимъ доселѣ зналъ я тебя, — оборонителемъ отъ могучихъ враговъ, и защищать это предпріятіе, такъ оно велико, сильно, полно упрековъ. Но я, правосудный государь, защищу себя, какъ предъ ареопигомъ, словами правдолюбца // (л. 2 об.) Фукидида, что «исторія есть имущество, составленное однажды навсегда, есть вѣрное зеркало человѣческой жизни». Такъ и я научился быть правдивымъ и, далеко отстранивъ лесть, держался одной истины. Я простой безыскусственный повѣствователь, какъ видѣлъ вещи, такъ и передаю, ни прибавляя, ни убавляя. Какъ зналъ я Никона, такъ и описалъ, употребляя слова какъ краски. Я увѣренъ, что самые враги и соперники наши, которые теперь кажутся друзьями Никона, тоже провозгласятъ и увѣнчаютъ насъ, и, не хотя, томимые совѣстію, откроютъ истину. Такова сущность добродѣтели, что ею любятъ и сами противящіяся ей. И наоборотъ — таково зло, что оно немедленно осуждается тѣми самими, кто въ немъ принимаетъ участіе. Я полонъ благихъ упованій, ибо облекся царственнымъ покровительствомъ твоимъ, какъ броней, какъ спасительнымъ всеоружіемъ (Αλεξιτικὴ πανοπλία).

Если бы по слѣдамъ грамматиковъ сталъ // (л. 3) я объяснять буквы, изъ которыхъ состоитъ твое имя, то сказалъ бы, что Всевышній избралъ тебя спасителемъ и избавителемъ погибшей Эллады: въ имени Αλέξιος — Α значить ἄρξεις (будетъ владѣть), λ — λαοῦ (народомъ), ε — ελευθέρου (свободнымъ), ξ — ξενοπρεπῶς (достойно), ι — ἰσμαιήλι (измаильтянина), ο — ολέθριον (губительнаго), σ — συντριβεις (сокрушить). О будь намъ словомъ и дѣло Αλέξιος оборонителемъ, христороубцемъ, боголю-

бцемъ... Когда-то, "когда-то" исполнится чудесное проречение: «предамъ грѣшника въ руки его и, обратившись, отомщу за кровь его». Когда-то, когда-то воспрянуть оба народа, которыхъ языки стануть однимъ языкомъ, и предпримуть войну въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится камень разсѣвѣвшійся (Голгофа), ибо тогда побѣдятъ измаилтянина^Г.

Взирая на это историческое повѣствованіе мое какъ на трудъ нѣсколькихъ месяцевъ при высшей помощи, прости, что не умѣлъ искусно представить героическія дѣянія твои. Какъ линіи соединяются въ одномъ центрѣ, а моря въ одномъ океанѣ, // (л. 3 об.) такъ и всѣ^А доблести въ тебѣ сосредоточиваются, отдыхаютъ и покоятся, — въ тебѣ, повелителѣ и единодержцѣ Алексіѣ Михайловичѣ, которому да ущедритъ Господь годы Мафусаиловы на оборону тверди церковной и христіанскаго исполненія, для возвеличенія царскаго вѣнца. И весь народъ да восклицаетъ: «Буди, буди, буди!».

Рукописные источники

- НИОР РГБ. Ф. 172 (Московская духовная академия. Архив). К. 491. № 22.
 НИОР РГБ. Ф. 173.IV («Прочие» библиотеки МДА). № 64.
 НИОР РГБ. Ф. 173.IV («Прочие» библиотеки МДА). № 69.
 НИОР РГБ. Ф. 213 (Оптина пустынь). К. 93. № 27.
 СПБНИИ РАН (Бумаги В.Н. Бенешевича). Ф. 261. Оп. 1. № 8.

Библиография

[Б. а.]. Панегирические произведения первой четверти XVIII в. и их связь с петровскими преобразованиями // Панегирическая литература Петровского времени / Изд. подгот. В.П. Гребенюк; под ред. О.А. Державиной. М.: Наука, 1979. С. 5–38.

Гене Бернар. История и историческая культура средневекового Запада / Пер. с фр. Е.В. Баевской, Э.М. Береговской. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

^{в-в} Слово над строкой.

^Г В ркп. слово испр. из измаилтянина.

^А В ркп. буква ѣ испр. из др., неразб.

Горожанкин Максим. Преподобный Паисий (Величковский) — образец ученого монаха и подвижника // Труды Белгородской духовной семинарии. 2018. № 7. С. 56–63.

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: Государственное изд-во иностр. и национ. словарей, 1958. Т. 1. 1042 с.

Елеонская А.С. Русская публицистика второй половины XVII века. М.: Наука, 1978. 272 с.

Жун П.Б., Подковырова В.Г. Переводы преподобного Паисия (Величковского) в контексте изданий «Добротолюбия» XVIII–XXI веков // Преподобные отцы Паисия, Добротолюбия подвижники. СПб.: Контраст, 2018. С. 62–95.

Историческое исследование дела патриарха Никона / Сост. по офиц. документам Н. Гиббенет. СПб.: Тип. Мин-ва внутренних дел, 1882. Ч. 1. 282 с.; 1884. Ч. 2. 1153 с.

Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1915. Т. 2. 618 с.

Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. М.: тип. «Новости», 2008. Т. 1. 704 с.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. Харьков: Фолио; М.: ООО «Изд-во АСТ», 2000. Т. 5. 960 с.

Лосев А.Ф., Сонкина Г.А., Тахо-Годи А.А., Тимофеева Н.А., Черемухина Н.М. Античная литература. М.: Просвещение, 1986. 464 с.

Лурье С.Я. Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 402 с.

Майнарди А. Основы переводческой деятельности преподобного Паисия (Величковского) // ТОДРА. СПб.: Росток, 2016. Т. 64. С. 54–68.

Моклецова И.В. Художественное творчество, публицистическая и просветительская деятельность А.Н. Муравьева в контексте русской литературы и культуры XIX века. Автореферат дисс. ... доктора филологических наук. М., 2013. 38 с.

Никишин В.О., Стрелков А.В., Тахо-Годи А.А., Фролов Э.Д. Древняя Греция // Православная Энциклопедия. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2007. Т. 16. С. 211–247.

Победимова Г.А., Срединская Н.Б. Фонды и коллекции архива: Краткий справочник. СПб.: Блиц, 1995. 49 с.

Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 605 с.

Романова А.А. Паисий Лигарид // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3, ч. 3. С. 8–12.

Сазонова А.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 896 с.

Севастьянова С.К. Семиотический аспект имени собственного: об интересе Паисия Лигарида к этимологии имени // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 195–210. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-195-210.

Севастьянова С.К., Рылик П.А., Бондач А.Г. Сочинение Газского митрополита Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном: проблемы исследования и перевода // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 65–78. DOI: 10.17223/18137083/80/7.

Стрижев А.Н. Андрей Николаевич Муравьев // Москва: Журнал русской культуры. 2001. № 11. С. 222–228.

Талина Г.В. Россия и Речь Посполитая: взаимные претензии на престол в XVII в. // Россия и Польша: Опыт тысячелетнего соседства: Материалы Международной научной конференции. М.: МПГУ, 2019. С. 120–135.

Тумина В. Б. Краткое филологическое описание // Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's "Refutation" / Edited with Introduction and Notes by Valerie A. Tumins and George Vernadsky. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton Publishers, 1982. 812 p. Pp. 63–79.

Фонкич Б.Л. Греческие рукописи А.Н. Муравьева // Археографический ежегодник за 1984 год. М.: Наука, 1986. С. 235–246.

Фонкич Б.Л. Из истории греческого книгописания в Бухаресте в первой трети XVIII в. // Spicilegium Byzantino-Rossicum. Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента РАН И.П. Медведева. М.; СПб.: Индрик, 2015. С. 314–324.

Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б. Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки: Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). М.: Синодальная библиотека Московского Патриархата, «Мартис», 1993. 240 с.

Чеснокова Н.П. Христианский Восток и Россия: Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (По документам Российского государственного архива древних актов). М.: Индрик, 2011. 288 с.

Catalogue of Italian, Greek, Russian, Polish and Lithuanian manuscripts from the Celebrated Collection formed by Sir Thomas Phillipps. Bibliotheca Phillippica, New series: Fourteenth Part. London, 8th July, 1975.

Palmer W. The Patriarch and the Tsar. London, 1873, vol. 3: History of the Condemnation of the Patriarch Nikon by a Plenary Council of the Orthodox Catholic Eastern Church, held at Moscow A. D. 1666–1667. Written by Paisius Ligarides of Scio. 644 p.

**Paisius Ligarides's Dedication to Tsar Alexei Mikhailovich:
Author's strategies and translation decisions***

Svetlana K. Sevastyanova

Doctor of Philology
Institute of Philology SB RAS
sevask@mail.ru

Polina A. Rylik

Candidate of Philology
Institute of Philology SB RAS
Athens National University Kapodistrias
rylikpa@gmail.com

Abstract. The Book about the Council, compiled at the beginning of 1667 by the Metropolitan of Gaza Paisius Ligarides immediately after Patriarch Nikon's trial at the Great Moscow Council, has long attracted researchers' attention both as a monument of literature and as an eyewitness account of the events described. However, this work, huge in volume and extremely rich in details and descriptions of events, is still being studied without involving the Greek text and without its full translation into Russian. The Russian and English translations made in the middle or in the second half of the 19th century differ from the original in their selectivity and inaccuracy of transmission. The Russian translation, extremely brief and not perfectly adequate to the original, is rather a free paraphrase. On the other hand, the English translation, by the British theologian and historian W. Palmer, omits difficult passages, but includes digressions and explanations by the translator. This article is the first to study and introduce into scholarly circulation the dedication to Tsar Alexei Mikhailovich, who had ordered the book. The publication of the text was made by the manuscript of the Manuscript Department of the Russian State Library F. 173.IV. No. 64, containing a brief Russian translation of the first part of the book made in the middle of the 19th century.

Keywords: the Metropolitan of Gaza Paisius Ligarides, Book of the Council, Tsar Alexei Mikhailovich, Greek original and Russian translations, appeal to antiquity as a stylistic device

* The research was carried out as part of the Russian Science Foundation project No. 22-28-00153 "Metropolitan of Gaza Paisius Ligarides' composition about the patriarch Nikon's trial: translation and research".